

А. В. АНТОШИН

ЕСТЬ ЛИ ПРОШЛОЕ У СТРАТЕГИЧЕСКОГО «РАЗВОРОТА РОССИИ НА ВОСТОК»? АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.¹

DOES THE STRATEGIC “PIVOT OF RUSSIA TO THE EAST” HAVE A PAST? THE ASIAN VECTOR OF RUSSIAN POLITICS IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

This article is devoted to the strategy of “Russia’s turn to the East,” which is often proclaimed by the political leadership of Russia after the deterioration of relations with European countries. The focus of the article is the analysis of the historical experience of Russia’s interaction with the countries of the East. The article is based on the materials of key monographs, as well as articles in leading Russian journals (*Russian History, Quaestio Rossica, RUDN Journal of Russian History. Vostok / Oriens*, etc.) published in the last 10 years. The author argues that the acquaintance of Russians with the countries and peoples of the East began in the Middle Ages and the Early Modern Age, during the same period the foundations of the government’s policy towards the peoples that make up the “inner East” of Russia were developed. He demonstrates that this policy was based on principles of pragmatism and on Russian national security considerations. As modern Russian researchers note, the first ever “Russian turn to the East” occurred after the defeat of the country in the Crimean War and was associated with the loss of allies in Europe. Activation of Russia’s policy in the Far East in the late 19th - early 20th centuries ultimately led to the defeat of Russia in the Russo-Japanese War and the collapse of Russian statehood in 1917. The second attempt to “pivot to the East” occurred during the Soviet period, the Cold War era being its apogee. This resulted in an aggravation of internal political tension in Asia. The author argues that many failures of Russia’s eastern policy can be ascribed to a low level of knowledge of the specifics of the civilizations of the East and a reluctance among the political elite and the population of Russia to consider them as equal partners. The nature of “Russia’s turns to the East” is demonstrated as being opportunistic, something which is negatively perceived by the political and academic elites of the countries of the East. These circumstances have impeded a stable long-term partnership between Russia and the countries of the East.

Keywords: “Russia’s turn to the East, Russian foreign policy, Russian contemporary historiography, “Inner East” of Russia, Muslims in Russia

Alexey V. Antoshin – Doctor of History, Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

1 *Citation:* A. V. ANTOSHIN, “Est’ li proshloe u strategicheskogo «razvorota Rossii na vostok»? Aziatskii vektor rossiiskoi politiki v sovremennoi otechestvennoi istoriografii” [Does the Strategic “Pivot of Russia to the East” Have a Past? The Asian Vector of Russian Politics in Modern Russian Historiography], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 93–114. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.17

В последние годы российская политическая элита не раз ставила проблему «выравнивания дисбаланса» во внешней политике страны, выдвигая тезис о придании большей значимости ее азиатскому вектору. Резкое ухудшение отношений со странами Запада после обострения внутривнутриполитического кризиса на Украине и присоединения Крыма к России заставило обратить особое внимание на развитие контактов с государствами Востока. Впрочем, политическое руководство РФ доказывало, что в этом не было ничего принципиально нового в сравнении с прежним курсом: так, выступая 19 сентября 2014 г. на пленарном заседании XIII инвестиционного форума «Сочи – 2014» председатель правительства Д. А. Медведев заявлял, что уже к тому времени наша страна пыталась повернуться к Азии на протяжении десяти последних лет². Через два года, в мае 2016 г., на саммите Россия – АСЕАН в том же Сочи вновь была подтверждена важность для РФ политики «разворота на Восток», обосновано стремление утвердить геополитический статус России как «Евро-Тихоокеанского региона» и «Азиатско-Тихоокеанской державы»³. Подобные заявления звучали из уст российских политиков разных уровней и позднее.

Эта ситуация привела к тому, что тезис о стратегическом «развороте с Запада на Восток» начал активно присутствовать в российском публичном пространстве. Регионы пытаются развивать отношения со странами Востока, университеты и академические структуры стремятся установить контакты с коллегами из далеких и ранее мало знакомых стран Азии. Настоящий бум переживает изучение в России ряда восточных языков. В общественном сознании формируется представление о том, что будущее – за диалогом между Россией и странами Востока.

Между тем, отечественное экспертное сообщество весьма скептически относится к подобным заявлениям. Профессиональные востоковеды настроены в этом вопросе гораздо более осторожно, чем многие средства массовой информации и иные структуры, формирующие общественное мнение: «Абсолютно не понятно, о каком Востоке ведут

---

2 Стенограмма выступления председателя правительства РФ Д. Медведева на пленарном заседании XIII инвестиционного форума «Сочи – 2014», 19.09.2014 в Официальный сайт Правительства Российской Федерации. <http://government.ru/news/14835>

3 В. Л. Ларин (ред.), *Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия* (Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2017), 54.

речь лидеры страны. Географическом или цивилизационном? Ближнем, Среднем, Дальнем? Востоке конфуцианском, буддийском или исламском? О том самом, что противостоит Западу и с ним «никогда не сойдется» (как писал Р. Киплинг), или о том, который мало-помалу завоевывает Запад демографически и идеологически? Априори вроде бы подразумевается самый дальний от Москвы Восток, чаще всего именуемый Восточной Азией. Однако в российской политической культуре Восток всегда в большей степени отождествлялся с Передней и Центральной Азией, чем с Дальним Востоком, а «азиатскость» России выводилась не из обладания огромной территорией в Азии, а из проживания в ее европейской части азиатских этносов, а также российских интересов и присутствия в Центральной Азии»⁴.

Все эти вопросы и сомнения, которые высказывают профессионалы, люди, отдавшие свою жизнь изучению стран Востока, безусловно, необходимо учитывать при формировании азиатского вектора российской внешней политики. Нельзя сбрасывать со счетов также и то обстоятельство, что, как известно, само понятие «Восток» – это во многом искусственный конструкт, сформированный западными интеллектуалами: очень многие представители академических сообществ и политических элит стран Азии негативно относятся к тому, что к ним применяют данное понятие. В этом плане стоит обратить внимание на предостережение, сделанное О. Ю. Бессмертной, которая, анализируя феномен «мусульманской субъективности», пишет об опасности культурного детерминизма, который, казалось, был давно отвергнут академическим сообществом. «Не возвращаемся ли мы, по сути дела, к подходам классического ориентализма – с его широкими обобщениями и эссенциализацией “Востока”, “мусульманскости”, в частности?», – задается вопросом исследователь⁵.

По нашему мнению, чрезвычайно важным является и вопрос о том наследии, которое существует в отношениях между Россией и странами Востока. Каков исторический опыт их взаимодействия? Ответ на этот вопрос позволяет понять те стереотипы взаимного восприятия, которые существуют в общественном сознании россиян и жителей государств Азии. Данные стереотипы оказывают существенное влияние

---

4 Там же.

5 О. Ю. БЕССМЕРТНАЯ, «Что нам делать с “мусульманской субъективностью”? Перспективы и “ловушки” исследовательского подхода в историографическом контексте», в *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 22, no. 2 (2023): 177.

на современный диалог между нашими народами, дают возможность оценить его перспективы. Это обстоятельство обуславливает значимость обращения к историческому прошлому контактов между Россией и Востоком. Анализ подобных попыток, предпринятых в исторической литературе последних лет, является целью данной статьи.

Ретроспективно оценивая исторический опыт контактов между Россией и странами Азии, современные востоковеды призывают не преувеличивать значимость данного направления во внешней политике нашей страны. Нельзя не согласиться со специалистами из Дальневосточного отделения РАН, что внешняя политика России традиционно европоцентрична: «Основная часть населения, экономического потенциала, бюрократических структур страны всегда была сконцентрирована в ее европейской части. Восточное направление имело второстепенное значение, а Восточная Азия, с точки зрения национальных интересов, воспринималась государством чаще всего как далекая и малоинтересная периферия»⁶.

Тем не менее, данный тезис, безусловно, не отменяет того факта, что контакты русских людей с народами, которые западными интеллектуалами были отнесены к понятию «Востока», имеют длительную историю. Важнейшим фактором, который долгое время определял вектор подобных контактов, была Золотая Орда. В современной историографии продолжают дискуссии относительно места Руси в составе Золотой Орды, а также того положения, которое в ее политической иерархии занимали русские князья⁷. В любом случае, очевидно, что в рамках данного геополитического феномена происходило активное взаимодействие русских людей с народами Востока. Неслучайно М. В. Моисеев показывает, что уже в XIV–XV вв. в Москве и Нижнем Новгороде проживали небольшие группы мусульман. Более того, исследователь даже полагает, что можно говорить о татарской диаспоре в Москве на рубеже XIV–XV вв.⁸ На наш взгляд, к данному тезису нужно отнестись весьма осторожно, поскольку вряд ли указанная татарская община средневековой Москвы отвечала тем критериям диаспоры, которые приняты в современной науке.

6 В. Л. ЛАРИН (ред.), *Тихоокеанская Россия*, 30–31.

7 В. В. ТРЕПАВЛОВ, «“Русский улус” Золотой Орды», *Российская история*, no. 1 (2021): 3–15 и др.

8 М. В. МОИСЕЕВ, «Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты», *Quaestio Rossica*, no. 1 (2016): 37–54.

Распад Золотой Орды привел к возникновению проблемы взаимоотношений между ее наследниками и поднимающимся Московским государством. Б. Р. Рахимзянов доказывает, что не стоит всецело доверять информации русских летописей, касающейся отношений Москвы и Казани: зачастую ситуация была значительно сложнее и не сводилась к конфронтации⁹. Во многом аналогичную позицию занимает М. В. Моисеев, который выступает, например, против преувеличения роли православно-исламского противостояния во внешней политике Ивана Грозного. Историк доказывает, что зачастую в литературе неоправданно большое место уделяется роли митрополита Макария в обосновании «казанского взятия». Не стоит, по мнению М. В. Моисеева, придавать взятию Казани Иваном Грозным «крестоносный характер»¹⁰. В реальности ситуация была значительно сложнее, в данной операции участвовали и отряды татарских государственных образований.

Ликвидация независимости поволжских мусульманских территорий и их присоединение к Московскому царству привели к возникновению феномена «внутреннего» российского Востока, который исключительно важен при осмыслении вопроса о механизмах межкультурного диалога России с народами данного цивилизационного ареала. С этого времени татарские общины становятся все более заметными явлениями в городах России, что не может не привлечь внимание исследователей. Как замечает А. А. Селин, в приказном делопроизводстве возникает термин «татары», под которым понимались все выходцы из присоединенных мусульманских территорий. С середины XVI в. происходило переселение их властью в Новгородскую землю и раздача этим людям поместий¹¹. Постепенно шел и процесс конверсии татар – обращение их в христианство, однако, как указывает историк, вплоть до начала XVII в. некоторая часть этих людей сохраняла ислам¹².

Именно взаимодействие Российского правительства с «татарами» во многом стало первым опытом осуществления политики властей

9 Б. Р. Рахимзянов, «Москва и Казань в Средние века: герменевтика vs позитивизм?», *Quaestio Rossica*, no. 2 (2019): 669–681.

10 М. В. Моисеев, «Мусульманская политика», 41–42.

11 А. А. Селин, «Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII вв.)», *Quaestio Rossica*, no. 3 (2016): 93–110.

12 Он же, «Новгородские татары в Смуту и после Смуты: реконсолидация социальной группы», *Quaestio Rossica*, no. 4 (2018): 943–954.

нашей страны в отношении «внутреннего Востока». Анализируя политику Московского царства по «мусульманскому вопросу», М. В. Моисеев призывает не идеализировать ее. По мнению исследователя, в данном случае корректно говорить не столько о веротерпимости, сколько о прагматизме и даже об индифферентном отношении к вопросам веры. Он полагает, что главный тренд этой политики можно сформулировать так: «сохранение мусульманской идентичности возможно до тех пор, пока это не угрожает государственной безопасности. Как только баланс религиозной свободы и подданства нарушен, то наказание неотвратимо»¹³. На наш взгляд, данный тезис историка исключительно важен в контексте формирования концептуальных основ политики российского правительства в отношении народов «внутреннего Востока».

Характеризуя «восточный вектор» внешней политики Московского царства при первых Романовых, исследователи обычно рассматривают его в контексте стратегии подчинения Россией сопредельных территорий. Конфронтационный характер взаимодействия между Россией и народами Востока замечен при анализе многих трудов современных историков. Так, в этом ключе сформулировано даже название статьи А. С. Зуева и Д. К. Попова: «Попытки подчинения Русским государством центральноазиатских кочевников...». В центре внимания авторов – русская экспансия в Сибирь и подчинение новых территорий и народов¹⁴.

Как показано в работах современных исследователей, во многом именно конфронтационный характер взаимодействия России со странами Востока приводил к тому, что происходила трансформация ряда традиционных институтов и практик тех народов, которые оказывались в сфере интересов нашей страны. Стоит обратить внимание, например, на работу Г. Б. Избасаровой, посвященную феномену аманатства. Исследователь отмечает, что этот традиционный обычай брать заложников из представителей аристократических родов, сыновей и братьев правителя понимался российскими властями специфически. Если в традиционном восточном социуме этот обычай имел, прежде всего, правовое и морально-этическое значение, то постепенно дан-

13 М. В. Моисеев, «Мусульманская политика», 49.

14 А. С. Зуев, Д. К. Попов, «Попытки подчинения Русским государством центральноазиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии», *Российская история*, no. 6 (2021): 79–89.

ный институт стал «средством удержания местных правителей в рамках послушания»¹⁵.

Впрочем, в литературе продолжает высказываться и мнение о том, что разрушение структур традиционного восточного социума не следует связывать лишь с экспансией России. В реальности необходимо учитывать, что многие структуры уже находились в кризисном состоянии. Это обстоятельство стоит принимать в расчет и в тех случаях, когда мы анализируем геополитические изменения на просторах Евразии, связанные с присоединением отдельных территорий к Российскому государству. Данный тезис отстаивается, в частности, в трудах Б. В. Базарова. Он отмечает, что причиной присоединения части территории бывшей Монгольской империи к России во второй половине XVII – начале XVIII в. была «деградация политического устройства кочевого мира»¹⁶. Весьма любопытны и замечания Б. В. Базарова, касающиеся глобальных последствий этих процессов. С одной стороны, происходило геополитическое переформатирование прежнего пространства Евразии: территории, считавшиеся периферией Восточной Азии, стали восточносибирской окраиной России¹⁷. С другой стороны, эти события существенно приблизили Россию к цивилизациям Восточной Азии, интенсифицировали межкультурный диалог на этом направлении. По мнению исследователей, в результате этого произошло не только расширение дипломатических, торгово-экономических и культурных связей России с Китаем и Монголией, но и установление отношений с Тибетом, Индией и странами Юго-Восточной Азии¹⁸.

Вместе с тем, В. В. Трепавлов не раз ставил проблему иллюзорности автономного статуса, который имели отдельные восточные народы и территории в составе как Московского царства, так и Российской империи. Ученый подчеркивал, что центральное правительство бдительно следило за ситуацией в присоединенных землях и старалось не допустить «опасного усиления их правителей, лишенных полномочия». По мнению В. В. Трепавлова, фигура вассального правителя

15 Г. Б. Избасарова, «Аманат в традиционном казахском обществе и российская политика XVIII в.», *Российская история*, no. 1 (2017): 112.

16 Б. В. Базаров, «Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв.», *Российская история*, no. 1 (2017): 49.

17 Там же: 50.

18 Б. В. Базаров, А. Д. Гомбожапов, «Цин и Россия в XVII в.: геополитический передел монгольского пространства», *Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 6 (2016): 98.

была полезна Москве и Петербургу в качестве «символа терпимости власти к этническим традициям народов, демонстративного уважения к их исконным жизненным устоям»¹⁹. Те владения в составе России, которые находились на вассальном положении, так или иначе, «были обречены на полное поглощение империей»²⁰. Чрезвычайно важен, на наш взгляд, тезис В. В. Трепавлова о том, что саму «многослойность» Российской империи «не следует приписывать ее гибкости и мудрости правителей»: такая конструкция была результатом сложного процесса складывания российского геополитического пространства²¹.

Зависимое положение народов Востока в составе России вело, по мнению В. В. Трепавлова, и к формированию специфического образа государственных образований, принадлежавших к этому цивилизационному ареалу, в массовом сознании россиян. Они воспринимались как «покорные данники», чьи правители «послушно выполняли предписания» российских властей²².

Система вассальных государственных образований была особенно характерна для Средней Азии. Как известно, она стала последним крупным регионом, вошедшим в состав Российской империи. Длительный и сложный процесс присоединения Средней Азии к России, ее особое положение в составе империи привели к формированию специфических институтов и моделей повседневности на границах двух миров. Так, феномену предпринимателей, занимавшихся торговлей России с народами Средней Азии, посвящено исследование К. А. Абдрахманова. Историк выделил ключевые факторы, которые влияли на психологию данной группы российских купцов: «тяжелые условия реализации деловых предприятий, обусловленные длительными переходами по безводной местности» и «постоянный риск подвергнуться нападению кочевников»²³. При этом религиозная и этническая принадлежность предпринимателя, его уровень грамотности, финансовые возможности и другие обстоятельства К. А. Абдрахманов

---

19 В. В. Трепавлов, «“Древнее обыкновение” и царская инвеститура. Восшествие на трон вассальных правителей в России XVII – начале XX вв.», *Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 4 (2015): 5.

20 Он же, «“В царстве другого царства быть не может”. Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX вв.)», *Российская история*, no. 3 (2015): 3.

21 Там же.

22 Там же: 5, 7.

23 К. А. Абдрахманов, «Купечество Российской империи в торговле со Средней Азией: культурно-антропологический аспект», *Quaestio Rossica*, no. 5 (2022): 1610.

считает второстепенными факторами в процессе формирования ментальности данной группы.

Безусловно, важен тезис исследователя о том, что именно в данной группе российского общества формировались те люди, которые лучше всего знали и понимали Восток. Именно «на границе двух миров» можно было встретить россиян, владевших восточными языками, знавших обычаи и традиции народов данного цивилизационного ареала. Как показывает К. А. Абдрахманов, большинство купцов, конечно, получало эти компетенции из чисто прагматических соображений: «Знание традиций и языка кочевников обеспечивало торговцам уважительное отношение со стороны казахов и, как следствие, защищало купцов от обмана во время сделок»²⁴. Во многом аналогичные процессы на российско-китайском приграничье фиксирует П. А. Лапин, который доказывает, что торговля между странами вела и к новым лингвистическим процессам, появлению пиджинов – языков-посредников²⁵.

Таким образом, постепенно, по мере расширения территории Российской империи, происходило знакомство населения нашей страны со странами и народами Востока. В этот период формировался образ Востока в сознании россиян, вырабатывались механизмы закрепления зависимых территорий и управления ими.

Современные востоковеды отмечают, что та ситуация на международной арене, которую переживает РФ в последние годы, не является для нашей страны чем-то принципиально новым. Первый в истории «разворот России на Восток» произошел во второй половине XIX–XX в. и был связан с последствиями Крымской войны. Как и в XXI в., он происходил на фоне резкого ухудшения отношений с Европой, потери Россией прежних партнеров и союзников. По выражению А. В. Ремнева, началась «евразийская фаза» российской внешней политики, которая включала в себя «мощный прорыв империи на Дальний Восток и в Центральную Азию»²⁶. Однако, как указывают исследователи, «этот поход привел Россию к войне с Японией, поражению в этой войне и последующим революционным потрясениям»²⁷. Таким образом, пер-

24 Там же: 1616.

25 П. А. Лапин, «Российско-китайская торговля в Кяхте и кяхтинско-китайское наречие русского языка (первая половина XVIII – вторая половина XIX вв.)», *Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 1 (2015): 25–41.

26 А. В. Ремнев, *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв.* (Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2004), 29.

27 В. Л. Ларин (ред.), *Тихоокеанская Россия*, 41.

вый «разворот на Восток» оказался фатальным для российской государственности.

Пытаясь разобраться в причинах этой ситуации, исследователи обращаются, в частности, к анализу различных аспектов российско-китайских отношений. Данный сюжет, в силу особой значимости Китая в современной мировой политике и экономике, привлекает внимание достаточно многих историков. Долгое время символом русского присутствия в Поднебесной являлась Российская духовная миссия. Однако, современные исследователи доказывают, что российские дипломаты весьма осторожно относились к усилению активности этой структуры, полагая, что подобная деятельность способна обострить отношения между Китаем и Россией²⁸.

Безусловно, Россия стремилась усилить свои позиции в Китае, воспользовавшись, как и европейские державы, его ослаблением после «Опиумных войн». В качестве своеобразного инструмента «мягкой силы» выступала, в частности, сфера образования. Так, П. А. Лапин показывает, что уже в конце XIX – начале XX в. в российских учебных заведениях появились первые китайские студенты²⁹.

В рамках заключенных между Российской империей и Китаем соглашений наша страна получила контроль над некоторыми территориями, где возникли ее органы управления, судебные, полицейские и т.п. учреждения. В данном случае можно говорить о российской версии колониализма на Востоке. Так, внимание историков традиционно привлекает политика России на арендованной ею у Китая в 1898 г. южной оконечности Ляодунского полуострова. Она была нацелена на «создание в этой отдаленной окраине русской культуры» и укрепление влияния России на данной территории³⁰. Однако, как доказывает Д. Б. Павлов, данная политика «не подразумевала одномоментную насильственную русификацию коренного населения, уничтожение его традиционного уклада, подавление и вытеснение религии, обычаев и языка». Полагая, что доминантой российской колониальной прак-

---

28 И. Ю. Смирнова, «Православие в Западном Китае и Средней Азии: предыстория вопроса», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 22, no. 1 (2023): 47.

29 П. А. Лапин, «Зарождение международного образования в Китае во время династии Цин и первые китайские учащиеся в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Санкт-Петербургского учительского института)», *Восток/Oriens. Афроазиатские общества: история и современность*, no. 1 (2016): 44–58.

30 Д. Б. Павлов, «Китайский Квантун под российской арендой (1898–1905): прецедент модернизационного колониализма?», *Российская история*, no. 1 (2018): 99.

тики в регионе выступала «цивилизационная» миссия нашей страны, историк характеризует сложившийся на арендованных у Китая территориях тип колониального управления как патерналистско-модернизационный³¹.

Вместе с тем, как доказывают труды российских историков, экономическое присутствие России в Китае не соответствовало ожиданиям ее политической элиты. В качестве причины этой ситуации И. Р. Хамзин называет высокий уровень конкуренции со стороны западных компаний. Кроме того, историк подчеркивает, что существовала «прямая зависимость между уровнем развития инфраструктуры на российском Дальнем Востоке и расширением присутствия торгового флота России в «открытых» портах Китая в конце XIX в.»³². Таким образом, неразвитость российского Дальнего Востока традиционно препятствовала активизации политики нашей страны в АТР.

Современные исследователи показывают, что в отношении государств Восточной Азии во внешней политике России в этот период времени доминировала скорее конфронтационная стратегия. Как отмечает Д. Б. Павлов, планы, а затем и действия российского военного и политического руководства на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. укладывались в две основные модели. Одна из них была ориентирована на «заведомо слабые» Китай и Корею и была нацелена на «экспансию в той или иной форме». Другая модель была связана со взаимодействием с Японией: здесь акцент делался на борьбе за сферы влияния «при одновременном стремлении обезопасить собственные территории и отстоять региональные интересы»³³. При этом, однако, ни в одной из моделей страны Востока не выступали в качестве равноправных партнеров по сотрудничеству, уделялось недостаточное внимание специфике дипломатической культуры этих государств. К сожалению, это нередко приводило к серьезным просчетам, которые могли иметь самые тяжелые последствия. Как показано в работе В. О. Зверева, в период русско-японской войны в России активно действовала китайская разведка, возможности которой использовались нашим противником. При этом работа российских спецслужб в среде

31 Там же: 108.

32 И. Р. Хамзин, «Торговый флот России в «открытых» портах Китая во второй половине XIX в.», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 21, no. 1 (2022): 19.

33 Д. Б. Павлов, «Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в.», *Российская история*, no. 2 (2016): 139.

китайцев была значительно менее системной и имела лишь ограниченные успехи³⁴. Таким образом, недооценка Китая и низкий уровень знания менталитета китайцев вели к тому, что Россия проигрывала борьбу за влияние в регионе.

Наряду с АТР центрами приложения усилий российской политики были и другие регионы Востока. Как показано в трудах исследователей, зачастую экономическое присутствие Российской империи отставало от тех целей, которые ставились политической элитой страны. В частности, характеризуя внешнеэкономические связи России и Османской империи, А. В. Болдырев показывает, что они «не вызывали интереса» у представителей российской общественности³⁵. Таким образом, Восток во многом воспринимался как периферийный регион с точки зрения интересов отечественных предпринимателей.

Большое внимание власть уделяла укреплению позиций империи на недавно присоединенных территориях Средней Азии. Специфической группой, которая была связана с постепенной инкорпорацией вассальных государственных образований Средней Азии в состав империи, были переселенцы из центральных районов России. Как показывает в своем исследовании Ю. Н. Цыряпкина, в представлениях имперских чиновников переселенцы рассматривались как «кинструмент «цивилизаторской» миссии на Востоке», именно на них возлагались важнейшие «культуртрегерские задачи»³⁶. Миссия переселенцев являлась составной частью «борьбы за русское дело», под которой в имперском нарративе понималась «стратегия закрепления Туркестана в составе Российской империи»³⁷. Данная политика предусматривала формирование административного и военного аппарата управления, «русских» частей городов, строительство поселков переселенцев. Эти процессы развивались на протяжении второй половины XIX – начала XX в., вплоть до крушения Российской империи в 1917 г.

Анализируя различные аспекты восточной политики поздней Российской империи, современные отечественные исследователи обра-

---

34 В. О. ЗВЕРЕВ, *Русская пресса о китайском шпионаже. 1904–1914 гг., Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 6 (2015): 45–53.

35 А. В. БОЛДЫРЕВ, «Внешнеэкономические связи России с Османской империей в середине XIX в. и российское общество в Восток», *Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 5 (2017): 96.

36 Ю. Н. ЦЫРЯПКИНА, «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана», *Quaestio Rossica*, no. 5 (2022): 1637.

37 Там же.

щаются и к более общей проблеме формирования образа Востока в нашей стране. Как доказано во многих работах, этот образ был весьма противоречив. С одной стороны, как известно, в России распространялась теория «желтой угрозы», возникшая в конце XIX в. в кругах европейских интеллектуалов. Согласно данной теории, XX в. должен был стать для Запада «веком наплыва поселенцев-завоевателей из Азии, прежде всего, из Китая и Японии»³⁸. Безусловно, распространение среди части русской общественности подобных взглядов совершенно не способствовало формированию партнерских отношений со странами Востока.

С другой стороны, как показано в работе А. Ю. Полунова, активизация восточной политики России во второй половине XIX – начале XX в. вела к установлению контактов с различными сообществами народов региона. «Представители этих сообществ – как правило, малочисленных, изолированных, угнетенных и (или) ощущавших угрозу со стороны более сильных соседей – все чаще рассматривали Россию как свою спасительницу или покровительницу. При этом восприятие ими «Северного царства» было в высшей степени мифологизированным. «Империи царей» приписывалось необычайное могущество, ведущая роль среди мировых держав и способность по велению своего правителя решать любые, самые сложные международные проблемы»³⁹, – отмечает историк. Эти оценки были особенно характерны для таких групп, как ассирийцы, христиане Сирии и Ливана, абиссинцы (эфиопы) и т.д.

Особенно важно то обстоятельство, что подобные настроения части населения Востока использовались некоторыми представителями русской общественности для конструирования геополитических концепций, ориентированных на усиление активности России в данном цивилизационном ареале. При этом зачастую происходило искажение реальных настроений восточных сообществ, когда, например, «само по себе тяготение ассирийцев к России нередко считалось доказательством их внутреннего духовного родства с русским народом, догматические расхождения несториан с православными казались случайными и незначительными»⁴⁰.

38 В. В. Фролов, «Образ Китая в интерпретации военного издания “Летопись войны с Японией”», *Quaestio Rossica*, no. 3 (2020): 837.

39 А. Ю. Полунов, «От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX вв.», *Российская история*, no. 6 (2022): 197.

40 Там же: 199.

Возникает вопрос: какие цели преследовали князь Э. Э. Ухтомский, С. Н. Сыромятников и другие представители русской интеллигенции, создавая подобные конструкторы? А. Ю. Полунов подчеркивает: «Сходство исторического пути и духовное братство должны были, по мнению “восточников”, объединить народы России и Азии в борьбе с разрушительным для них натиском Запада»⁴¹. Таким образом, антизападная направленность данного идеологического проекта вырисовывалась достаточно четко.

Русская революция 1917 г. привела к временному распаду того геополитического феномена, который сформировался в условиях Российской империи. В «войнах памяти» на постсоветском пространстве современные российские исследователи пытаются занимать взвешенную позицию, доказывая, что формирование новых независимых государств не было жестко детерминировано: сами национальные элиты народов империи первоначально исходили из идеи автономии. Так, Д. А. Аманжолова подчеркивает: «В 1917 г. общероссийский административно-территориальный формат явился основой для выработки региональных этнополитических проектов. Они оставались в границах пространства бывшей империи, которое было исторически и географически устойчивым, воспринималось в перспективе надежным, привычным и обжитым (при условии его демократизации)⁴². В этом контексте и восстановление данного геополитического целого в рамках СССР в 1920-е гг. выглядит весьма логично.

Оказавшаяся в международной изоляции большевистская Россия, вновь, как и после Крымской войны, начала искать партнеров на Востоке. Этому способствовала и первоначальная ставка большевиков на стратегию мировой революции, которая предусматривала, в частности, использование антиколониальных настроений в Азии. Советская дипломатия сталкивалась на Востоке с большими трудностями: остро не хватало квалифицированных кадров со знанием языков и традиций народов данного цивилизационного ареала, поскольку многие из тех, кто осуществлял восточную политику Российской империи, погибли на фронтах Первой мировой и Гражданской войн или эмигрировали. Уровень экспертного сообщества, которым располагали большевики в этой сфере, был крайне невысок. Дополнительным фактором, усугу-

---

⁴¹ Там же: 203.

⁴² Д. А. Аманжолова, «Казахский автономизм в 1918 году: конкуренция проектов и динамика альянсов», *Российская история*, no. 1 (2021): 63.

блявшим ситуацию, была антирелигиозная направленность большевистской идеологии, которая оказывалась неприемлемой, особенно в исламских странах. Глубокое исследование ближневосточной политики СССР 1920-х – 1930-х гг., основанное на большом комплексе архивных материалов, представлено в труде В. В. Наумкина⁴³. Историк показывает, что уже в 1920-е гг. Москва впервые предприняла попытку выступить в качестве посредника между конфликтующими в регионе сторонами, что впоследствии получит развитие в современной российской политике на Ближнем Востоке. Однако, действия Великобритании, препятствовавшей усилению позиций СССР в регионе, а также открытие в конце 1930-х гг. в Саудовской Аравии нефтяных месторождений привели к тому, что почувствовавший себя более уверенно режим в Эр-Рияде выразил свою незаинтересованность в укреплении партнерства с нашей страной. Именно поэтому В. В. Наумкин характеризует диалог между СССР и Саудовской Аравией, которая станет одним из ключевых государств исламского мира, как «несостоявшееся партнерство».

Характеризуя восточную политику СССР в межвоенный период, современные исследователи показывают тесную связь ее неудач с репрессивной политикой 1930-х гг. Ее жертвами стали как многие дипломаты, работавшие на восточном направлении, так и представители народов Востока, проживавшие в СССР. Так, В. Г. Дацышен показывает, что китайцы в сталинском СССР воспринимались как «нелояльная советской власти национальная община, реальные или потенциальные агенты Японии или гоминьдановского Китая»⁴⁴. При этом Н. Н. Аблажей и Н. А. Потапова опровергают распространенную версию о самостоятельной «китайской операции» в ходе Большого террора. Реально большинство китайцев были репрессированы в рамках т. н. «харбинской» и «смешанной» операций, а «соответствующая этническая линия» оформилась лишь на заключительном этапе массовых репрессий в сентябре 1938 г.⁴⁵

43 В. В. Наумкин, *Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами* (Москва: Институт востоковедения Российской академии наук; Аспект-Пресс, 2018).

44 В. Г. Дацышен, «Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг.», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 21, no. 1 (2022): 57.

45 Н. Н. Аблажей, Н. А. Потапова, «Репрессивная политика как инструмент решения “китайского вопроса” в СССР в 1930-е гг.», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 22, no. 1 (2023): 125.

Народы Востока страдали и от антирелигиозной политики советского руководства. Так, судьбу других религиозных объединений в СССР разделили буддисты. Как показано в статье А. В. Горбатова, в результате государственного вмешательства были разрушены внутриобщинные связи, пострадал традиционный уклад жизни буддийского населения Калмыкии и Сибири⁴⁶.

Победа во Второй мировой войне и укрепление авторитета Советского Союза на международной арене способствовали, по выражению современных отечественных исследователей, началу осуществления второго «разворота России на Восток»⁴⁷. В условиях холодной войны СССР стремился расширить свое влияние в Азии, поддерживая коммунистические режимы в Китае, КНДР и ряде других стран. Российские востоковеды весьма скептически оценивают результаты этой политики, показывая, что, в конечном счете, она привела к «обострению военно-политической конфронтации в этой части мира, идеологическому расколу Азии и к прямому конфликту Советского Союза с бывшим союзником – КНР»⁴⁸. Таким образом, вторая в истории попытка «разворота России на Восток» скорее усугубила проблемы, с которыми сталкивались народы данного цивилизационного ареала.

Обратим внимание на то обстоятельство, что, хотя современный «разворот России на Восток» в значительной степени связан со сближением с КНР, ведущие отечественные востоковеды не замалчивают тех проблем, которые существовали в наших отношениях в эпоху холодной войны. Так, например, один из старейших российских востоковедов Ю. М. Галенович прямо писал: «Четверть века наших отношений – 1960–1985 гг. – это глухие годы. Стороны по большей части либо не могли, либо не желали слышать тогда друг друга; каждая говорила о своем, отстаивала свою позицию. Это было время конфронтации и ненормальных дипломатических отношений»⁴⁹. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что при такой постановке вопроса вина за конфронтацию возлагается не только на КНР, но и на нашу страну.

Следует обратить внимание и на то, что советский «разворот на Восток» оказался весьма избирательным. Так, продолжилась конфронтация с ведущей державой Азии эпохи холодной войны – Япо-

46 А. В. Горбатов, «Буддисты и Советское государство в 1946–1960-е гг.», *Российская история*, no. 5 (2018): 79.

47 В. Л. Ларин (ред.), *Тихоокеанская Россия*, 41.

48 Там же: 42.

49 Ю. М. Галенович, *Россия и Китай в XX веке: граница* (Москва: Изограф, 2001), 3.

нией, которая воспринималась советскими пропагандистами как важнейший элемент новой антикоммунистической «оси» Вашингтон – Токио – Сеул. Территориальный конфликт с Японией так и не был урегулирован и продолжает оказывать негативное влияние на развитие отношений с этой страной и в наши дни⁵⁰.

Пожалуй, квинтэссенцией противоречивости восточной политики СССР эпохи холодной войны является ввод войск в Афганистан в 1979 г. Эти события по-прежнему вызывают ожесточенные дискуссии, в которых принимают участие не только академические исследователи, но и участники событий. Среди трудов последних необходимо отметить исследование В. С. Христофорова, в котором знание автором реальной ситуации тех лет сочетается с основательной работой в архивах. Офицер КГБ СССР В. С. Христофоров весьма критически оценивает афганский сегмент восточной политики СССР, подчеркивая: «Решение советского руководства о вводе войск в Афганистан нанесло огромный урон СССР как на международной арене, так и внутри страны»⁵¹. Как известно, эти события оказали существенное влияние не только на ситуацию в странах Востока, но и на международную обстановку в целом, во многом обусловив своеобразный «ренессанс» холодной войны начала 1980-х гг.

Парадоксальным представляется то обстоятельство, что именно годы, которые вошли в историю отечественной внешней политики как период своеобразного «разворота на Запад», стали одновременно и временем нормализации отношений со странами Востока. «Новое политическое мышление» М. С. Горбачева – Э. А. Шеварднадзе позволило, в том числе, прекратить многолетнюю конфронтацию с Китаем, начать диалог с Японией и экономическое сотрудничество с Южной Кореей. Именно в это время и гуманитарное взаимодействие с народами Востока стало значительно более эффективным, чем в период холодной войны.

Как показывает исторический опыт, нынешний «разворот России на Восток» – отнюдь не первый. Уже не раз, испытывая трудности в отношениях со странами Запада, Россия решает наладить сотрудничество с восточными партнерами. Результаты предшествующих по-

50 С. В. Гришачев (ред.), *История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI в.* (Москва: Аспект Пресс, 2015): 211-233.

51 В. С. Христофоров, *Афганистан: военно-политическое присутствие СССР: 1979–1989* (Москва: Институт российской истории Российской академии наук, 2016), 373.

пытках были очень неоднозначны. Зачастую подобные усилия нашей страны становились дополнительными дестабилизирующими факторами, обострявшими ситуацию в различных регионах Востока. Во многом это связано с тем обстоятельством, что цивилизации Востока имеют свою специфику, которая сильно отличается от российской. На Востоке Россия воспринимается как внешняя по отношению к данному цивилизационному ареалу сила, скорее являющаяся частью европейской цивилизации.

На наш взгляд, именно проблема взаимного восприятия России и стран Востока является одним из важнейших факторов, которые оказывают влияние на установление взаимопонимания между нашими народами. Характерно, что, как показывают исследования социологов, даже население российского Дальнего Востока, которое всегда, так или иначе, взаимодействовало со странами Восточной Азии, весьма противоречиво относится к ним. На фоне провозглашения стратегического партнерства между РФ и КНР обращает на себя внимание тот факт, что «немалая часть дальневосточников не верит, что Пекин отказался от планов вернуть себе утраченные в XIX столетии территории»⁵². Кроме того, «как и прежде, восхищение Японией не мешает дальневосточникам занимать принципиальную позицию по Курильскому вопросу и выражая опасение перед китайской экспансией – делать ставку на углубление экономических связей с КНР, а в условиях напряженности на Корейском полуострове симпатизировать обеим сторонам конфликта»⁵³. В целом, как замечают исследователи, восток России «относится к окружающему его конфуцианско-буддийскому миру достаточно благосклонно, с симпатией, вниманием и интересом, хотя не очень хорошо его понимает и не слишком ему доверяет»⁵⁴. Эти характеристики относятся к наиболее информированной о Востоке части российского общества, которая в повседневной практике активнее, чем другие группы, взаимодействует с народами данного цивилизационного ареала. Еще менее сформированным является образ Востока в сознании основной массы россиян. Именно это обстоятельство становится одним из ключевых факторов, которые препятствовали и препятствуют межкультурному диалогу России и стран Востока.

---

52 В. Л. Ларин, Л. Л. Ларина, «Представления о странах Востока в Тихоокеанской России: парадоксы общественного сознания», *Quaestio Rossica*, no. 4 (2022): 1246.

53 Там же: 1254.

54 Там же.

References

- K. A. ABDRAKHMANOV, «Kupechestvo Rossiiskoi imperii v trgovle so Srednei Aziei: kulturno-antropologicheskii aspekt» [Merchants of the Russian Empire in Trade with Central Asia: Cultural and Anthropological Aspects], *Quaestio Rossica*, no. 5 (2022): 1607–1624. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.750>
- N. N. ABLAZHEI, N. A. POTAPOVA, «Repressivnaia politika kak instrument resheniia “kitaiskogo voprosa” v SSSR v 1930-e gg.» [Repressive Policy as a Tool for Resolving the “Chinese Issue” in the USSR in the 1930s.], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii Istorii Rossii*, T. 22, no. 1 (2023): 125–138. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>
- D. A. AMANZHOLOVA, «Kazakhskii avtonomizm v 1918 godu: konkurentsiia proektov i dinamika al'iansov» [Kazakh autonomism in 1918: Competition of Projects and Dynamics of Alliances], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2021): 63–78. <https://doi.org/10.31857/S086956870013445-0>
- B. V. BAZAROV, «Prisoedinenie Severnoi Mongolii k Rossi: geopoliticheskii peredel mongol'skogo mira v XVII–XVIII vv.» [The Union of Northern Mongolia with Russia: The Geopolitical Transition of the Mongolian World in XVII–XVIII Centuries], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2017): 49–55.
- B. V. BAZAROV, A. D. GOMBOZHAPOV, «Tsin i Rossiia v XVII v.: geopoliticheskii peredel mongol'skogo prostranstva» [The Qing Empire and Russia in the 17th Century: Geopolitical Redistribution of the Mongolian Space], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 6 (2016): 98–104.
- O. Iu. BESSMERTNAIA, «Shto nam delat' s ‘musul'manskoi subektivnostiiu’? Perspektivy i ‘lovushki’ issledovatel'skogo podkhoda v istoriographicheskom kontekste» [‘What Should We Do with ‘Muslim Subjectivity’? Perspectives and ‘Pitfalls’ of Research Approaches in Historiographical Context], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii Istorii Rossii*, T. 22, no. 2 (2023): 174–187. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-174-187>
- A. V. BOLDYREV, «Vneshneekonomicheskie svyazi Rossii s Osmanskoi imperiei v seredine XIX v. i rossiiskoe obshchestvo» [Foreign Economic Relations of the Russian and Ottoman Empires in the Mid-Nineteenth Century and Russian Society], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 5 (2017): 96–105. <https://doi.org/10.7868/S0869190817050089>
- V. G. DATSYSHEN, «Kitaiskoe naselenie Zabaikalia v usloviakh stalinskoi sistemy v 1930-e gg.» [The Chinese Population of Transbaikalia Under the Conditions of the Stalinist System in the 1930s], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii Istorii Rossii*, T. 21, no. 1 (2022): 57–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-57-71>
- V. V. FROLOV, «Obraz Kitaia v interpretatsii voennogo izdaniia “Letopis' voiny s Iaponiei» [The Image of China as Interpreted by the Military Periodical *Letopis' voiny s Yaponiyei*], *Quaestio Rossica*, no. 3 (2020): 835–846. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.3.498>
- Iu. M. GALENOVICH, *Rossiia i Kitai v XX veke: granitsa* [Russia and China in the 20th Century: The Border] (Moskva: Izograf, 2001), 335 p.
- A. V. GORBATOV, «Buddisty i Sovetskoe gosudarstvo in 1946–1960» [Buddhists and the Soviet state in 1946–1960], *Rossiiskaia istoriia*, no. 5 (2018): 77–88. <https://doi.org/10.31857/S086956870001572-7>

S. V. GRISHACHEV (red.), *Istoriia rossiisko-iaponskikh otnoshenii: XVII – nachalo XXI vv.* [The History of Russo-Japanese Relations: 17th – Early 21st Centuries] (Moskva: Aspekt Press, 2015), 336 p.

G. B. IZBASAROVA, «Amanat v traditsionnom kazakhskom obshchestve i rossiiskaia politika XVIII veka» [Amanat in the Traditional Kazakh Society and Russian Policy in the 18th Century], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2017): 103–112.

I. R. KHAMZIN, «Torgovyi flot Rossii v “otkrytykh” portakh Kitaia vo vtoroi polovine XIX v.» [The Trade Fleet of Russia in the ‘Open’ Ports of China in the Second Half of the 19th Century], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Istoriia Rossii*, T. 21, no. 1 (2022): 19–33. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-19-33>.

V. S. KHRISTOFOROV, *Afghanistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR: 1979–1989* [Afghanistan: The Soviet Union’s Military-Political Presence: 1979–1989] (Moskva: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 2016), 544 p.

P. A. LAPIN, «Zarozhdenie mezhdunarodnogo obrazovaniia v Kitae vo vremy dinastii Tsin i pervye kitaiskie uchashchiesia v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Sankt-Peterburgskogo uchitel’skogo instituta)» [The Origination of International Education in China During the Qing Dynasty and the First Chinese Students in Russia during the Late Nineteenth – Early Twentieth Century: The Case of Saint-Petersburg Teacher’s College], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost’*, no. 1 (2016): 44–58.

P. A. LAPIN, «Rossiisko-kitaiskaia torgovlia v Kiakhte i kiakhtinsko-kitaiskoe narechie russkogo iazyka (pervaia polovina XVIII – vtoraiia polovina XIX vv.)» [Russian-Chinese Trade in Kyakhta and Russian-Chinese Pidgin (Early Eighteenth – Late Nineteenth Century)] *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost’*, no. 1 (2015): 25–41.

V. L. LARIN (ed.), *Tikhookeanskaia Rossiia v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifitsi v nachale XXI veka: opyt i potentsial regionalnogo i prigranichnogo vzaimodeistviia* [Pacific Russia in the Integration Space of the North Pacific in the Early 21st Century: Experience and Potential of Regional and Border Interaction] (Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii, 2017), 386 p.

V. L. LARIN, L. L. LARINA, «Predstavleniia o stranakh Vostoka v Tikhookeanskoii Rossii: paradoksy obshchestvennogo soznaniia» [The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion], *Quaestio Rossica*, no. 4 (2022): 1241–1257. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.4.726>

M. V. MOISEEV, «Musul’manskaia politika Russkogo gosudarstva v epokhu Ivana Groznogo: diskussionnye aspekty» [The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects], *Quaestio Rossica*, no. 1 (2016): 37–54. <https://doi.org/10.15826/qr.2016.1.140>

V. V. NAUMKIN, *Nesostoiavsheesia partnerstvo. Sovetskaia diplomatiia v Saudovskoi Aravii mezhdru mirovymi voynami* [An Unfulfilled Partnership: Soviet Diplomacy in Saudi Arabia Between the World Wars] (Moskva: IV RAN; Aspekt-Press, 2018), 456 p.

D. B. PAVLOV, «Kitaiskii Kvantun pod rossiiskoi arendoi (1898–1905): pretsedent modernizatsionnogo kolonializma?» [Russia’s Lease of Chinese Kwantung (1898–1905): A Case of Modernizing Colonialism?], *Rossiskaia istoriia*, no. 1 (2018): 85–108.

D. B. PAVLOV, «Russkie voennye instruktory v Koree i Kitae v kontse XIX veka» [Russian Military Councilors in Korea and China in the Late Nineteenth Century], *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2016): 139–161.

A, Iu. POLUNOV, «Ot Urmii do Urgi: vzaimootnosheniia s narodami Vostoka v rusском obshchestvennom soznanii kontsa XIX – nachala XX vv. [From Urmia to Urga: Relations with the Peoples of the East in the Russian Public Consciousness of the Late 19th - Early 20th Centuries], *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2022): 196–207. <https://doi.org/10.31857/S086956872206019X>

B. R. RAKHIMZIANOV, «Moskva i Kazan' v Srednie veka: germenevtika vs pozitivizm?» [Moscow and Kazan in the Middle Ages: Hermeneutics vs Positivism?], *Quaestio Rossica*, no. 2 (2019): 669–681. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.2.400>

A. V. REMNEV, *Rossiiia Dal'nego Vostoka. Imperskaia geografiia vlasti XIX – nachala XX vv.* [Russia's Far East: Imperial Geography of Power in the 19th to Early 20th Centuries] (Omsk: Izd-vo Omskogo gosudarstvenno universiteta, 2004), 552 p.

A. A. SELIN, «Novgorodskie tatarы v Smutu i posle Smuty: rekonsolidatsiia sotsialnoi gruppy» [Novgorod Tartars in the Time of Troubles and Afterwards: Social Group Reconsolidation], *Quaestio Rossica*, no. 4 (2018): 943–954. <https://doi.org/10.15826/qr.2018.4.338>

A. A. SELIN, «Tatarы-musul'mane i novokreshcheny v Novgorodskoi zemle: formirovanie i funktsionirovanie maloi sotsialnoi gruppy (konets XVI – nachalo XVII vv.)» [Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries] *Quaestio Rossica*, no. 3 (2016): 93–110. <https://doi.org/10.15826/qr.2016.3.177>

I. Iu. SMIRNOVA, «Pravoslavie v Zapadnom Kitae i Srednei Azii: predystoriia voprosa» [Orthodoxy in Western China and Central Asia: The Prehistory of the Issue], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Istoriia Rossii*, T. 22, no. 1 (2023): 47–56. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1>

Stenogramma vystupleniia predsedatelia pravitel'stva RF D. Medvedeva na plenarnom zasedanii XIII investitsionnogo foruma "Sochi-2014", 19.09.2014 [The Transcript of the Speech by the Prime Minister of the Russian Federation D. Medvedev at the Plenary Session of the XIII Sochi-2014 Investment Forum, September 19, 2014.], <http://government.ru/news/14835>

V. V. TREPAVLOV, «V tsarstve drugogo tsarstva byt' ne mozhet». Vassal'nye vladeniiia v sostave Rossii (XVII-nachalo XX vv.)» [“In a Kingdom There Cannot Be Another Kingdom:” Russia's Protectorates from the Seventeenth to the Early Twentieth Centuries], *Rossiiskaia istoriia*, no. 3 (2015): 3–14.

V. V. TREPAVLOV, «“Drevnee obyknovenie” i tsarskaia investiture. Vosshestvie na tron vassal'nykh pravitelei v Rossii XVII – nachala XX vv.» [“Ancient Custom” and Royal Investiture: The Enthronement of Vassal Rulers in Russia in the Seventeenth – Early Twentieth Centuries], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 4 (2015): 5–16.

V. V. TREPAVLOV, ««Russkii ulus» Zolotoi Ordy” [“Russian ulus” of the Golden Horde], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2021): 3–15. <https://doi.org/10.31857/S086956870013438-2>

Iu. N. TSYRIAPKINA, «Borba za russkoe delo”: imperskaia kolonizatsiia Turkeстана» [“Fighting for the Russian Cause:” Imperial Colonisation of Turkestan], *Quaestio Rossica*, no. 5 (2022): 1625–1641. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.751>

V. O. ZVEREV, «Russkaia pressa o kitaiskom shpionazhe. 1904–1914 gg.» [The Russian Press on Chinese Espionage: 1904–1914], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 6 (2015): 45–53.

A. S. ZUEV, D. K. POPOV, «Popytki podchineniia Russkim gosudarstvom tsentralno-aziatskikh kochevnikov v XVII veke; argumenty russkoi diplomatii» [Attempts to Subjugate the Central Asian Nomads by the Russian State in the 17th Century: Arguments within Russian Diplomacy], *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2021): 79–89. <https://doi.org/10.31857/S086956870017300-1>